

Всю ночь громыхала первая майская гроза. Но к рассвету небо было уже чисто, и от грозы остались лишь необыкновенная свежесть, умытая зелень и пенистые лужи в колеях просёлка.

Пригородный поезд волочит свой шлейф из нежно-розового пара по этим лужам, по чёрным пашням и залитым водой болотцам. Поднятые с лугов чибисы, вскрикивая и переваливаясь с крыла на крыло, долго летят рядом с вагонами, ныряя в клубы поредевшего пара.

В открытые окна захлёстывает упругий луговой ветер.

Ветер полощет занавески, растрёпывает волосы пассажиров, нетерпеливо перевёртывает страницы книги в руках моего соседа, но никто и не думает встать и поднять рамы.

И кажется, в вагоне нет такого человека, который не чувствовал бы и этот майский ветер, и необыкновенную свежесть красок за окном, и крепкий запах напоённой влагой земли. Ко всему этому трудно оставаться равнодушным.

Вагон длинный, без перегородок, и мне видны почти все пассажиры.

Мой сосед, пожилой городского вида человек с маленьким потёртым чемоданчиком на коленях, едет, вероятно, в командировку. В самом начале пути он достал из чемодана книгу, разломил её посередине, надел очки и приготовился читать. Но, едва перевернув две-три странички, засматривается в окно.

— Благодать-то какая! — трогает соседа за рукав старик, который сидит у нас за спиной, по другую сторону лавки.

Старик держит меж острых колен пучок коричневых прутиков. Прутики у основания обёрнуты мешком и корнями опущены в ведёрко.

— Пора уже помирать, а я всё сажаю! — старик добродушно смеётся, обнажая пустые розовые дёсны.

...Едут две подружки в пёстрых шёлковых косынках-обновках, в одинаковых монистах. К ним подсаживается морячок. Девчата смущаются, краснеют, отвечают резко, но парня не обрывают.

— Так-таки никуда и не ходите? — морячок придвигается поближе, заглядывает в глаза.

— Никуда.

— Так и замуж не выйдете.

— А мы уже замужем.

— Травите?

— Чего?

— Травите, говорю. Врёте то есть, что замужем.

Поезд останавливается на полустанке. Моряк высывается из окна, глядит направо-налево, потом срывает

с себя бескозырку, швыряет её на скамью рядом с девчатами:

— Скажите — занято, — и опрометью вылетает из вагона.

Поезд трогается. Мимо медленно проплывают кирпичная будочка разъезда, колодец с двухскатной крышей под срубом, штабеля старых шпал, кусты придорожной посадки. И вдруг в окно летят ветки черёмухи. Одна, другая, третья... Девчата подхватывают черёмуху, а в это время в окне показывается довольная, улыбающаяся физиономия морячка. Он схватился рукой за раму и бежит рядом с вагоном. Подружки ахают. Морячок одним рывком переваливается в вагон и нахлобучивает бескозырку прямо на запутавшиеся в кудрях лепестки черёмухи.

И снова поезд мчится, и снова по вагону гуляет ветер. Люди пригляделись друг к другу, разговорились.

И только теперь я обратил внимание на женщину, что сидит как раз напротив. У неё круглое детское лицо, широкий вздёрнутый нос, полные сухие губы. Серые глаза на фоне тёмной заветренной кожи кажутся выцветшими. Под платком видна граница загара, за которой белеют нежные маленькие уши с простенькими серёжками. Ей, пожалуй, уже около тридцати, но во всём её облике так и осталось что-то от подростка. Она сидит тихо всю дорогу. Поверх синего платья подвязан чистый белый передник, в ещё не распрямившихся складках. По этому переднику я догадываюсь, что она из дальнего глубинного села, где ещё сохранился обычай по торжественным случаям подвязывать белый фартук. В этой одежде она походит на школьницу в форменном платье. Руки она держит под фартуком, положив ладони на колени. У её ног стоит ивовая корзина, накрытая клетчатым платком.

Почему-то с ней никто не заговаривает. Она тоже молчит, порой прислушиваясь к словам, иногда задрёмывая.

Я смотрю на неё с сочувствием. Она такая неловкая, одинокая и какая-то безразличная ко всему.

На следующей станции вваливается шумная ватага сельских парней. Шёлковые сорочки, пиджаки внапашку, сапоги начищены до зеркальной ясности. На звуки гармошки, как на магнит, пассажиры поворачивают головы. В вагоне становится шумно.

Я взглядываю на женщину в белом переднике. Она сидит всё так же тихо и думает о чём-то своём. Потом медленно высвобождает из-под фартука руки, тянется к корзине и открывает платок. Рука шарит в глубине корзины, достаёт маленький свёрток в серой обёртке. Женщина разворачивает бумагу и расправляет на фартуке новую детскую рубашечку. Рубашка годика на три, синяя в белую полоску.

Женщина долго разглядывает покупку, застёгивает и опять расстилает рубашку на коленях и осторожно водит по ней широкой ладонью. Рука сильная, мужская. Шершавые, натруженные пальцы цепляют за материю.

И я вижу, как начинает светиться радостью её лицо. На щеках сквозь загар проступает румянец, глаза полнятся глубокой синью, а на губах тихая светлая улыбка, и губы шевелятся и что-то шепчут, что-то говорят рубашечке...

Старик с яблоней кивает мне многозначительно и прикладывает к губам палец. Потом трогает своего соседа.

Её руки всё так же лежат на детской рубашечке, но сама она теперь глядит в окно, и глаза её полны тихой радостной задумчивости.